ПОЭТОГРАД

Народная литературная газета

№ 9 (60)
Февраль
2013

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

«Шестьдесят»
Ирины Голубевой

Антология
Евгения Степанова

Поэзия
Александра Карпенко

Стихи
Елены Шелковой
и Анатолия Побаченко

Александр Карпенко
об Афанасии Фете

СОБЫТИЕ

ПРИЧАЩЕНИЕ

К столетию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии Керима Отарова (1912–1974) нальчикское издательство Марии и Виктора Котляровых выпустило первую партию книги «Пока огонь пылает в очаге». Дочь выдающегося балкарского поэта Римма Отарова решила распространять сборник бесплатно.

Переведя на русский язык около полутора тысяч строк Керима Отарова, сейчас навскидку могу сказать по этому поводу три вещи, особо меня тронувшие. В стихах о депортации балкарского и других кавказских народов практически отсутствует декларативность, все дается через конкретные, четкие картинки. Скажем, он показывает старого пастуха, сокрушающегося о том, что «в пещере / Оставил без присмотра он овец. / — От голода погибнут все, наверно, — / Ведь наглухо закрыт в пещеру вход. / Спешил домой, устал в горах безмерно, / Хотел вернуться вскорости, и — вот... / Животных мучить — грех! — Пастух сердечный / В вагоне тосковал не о себе — / Он за овец с тревогой бесконечной / Печалился, о горькой их судьбе». Измыслить такое невозможно. И мне подумалось: поэтический талант и талант честности могут существовать порознь, но когда они сочетаются в одной личности, то наблюдается феномен синергизма: совокупное и одновременное их воздействие оказывается сильнее, чем если бы они выступали порознь.

Еще хочу сказать о том, как поменялся колорит стихов у Отарова. Даже фронтовые стихи его полны были красок. А вот стихи, написанные в изгнании, — сплошь черно-белые. Возьмем, к примеру, «Фронтовую зарисовку» (1942):

О восходе усталыми грезя сердцами,
Деревушки, равниной раскинувшись, спят.
Синий пар поднимается над озерцами,
Словно это котлы, что вот-вот закипят.

Расщепленная надвое шалым снарядом,
Пала навзничь березка главой на восток;
До сих пор зелены ее листья... А рядом,
Словно свежая кровь, пламенеет цветок.

Воин рану свою, привыкая и к боли,
Пеленает умело — он ей не чужой...
Жизнь и смерть суть одно непрерывное поле,
Друг от друга нельзя разделить их межой.

Здесь, как видим, и синий пар, и зеленые листья, и пламенеющий цветок! А в стихотворении «Старуха», написанном в 1944-м, то есть уже в изгнании, все краски исчезают:

Ни сыновей, ни внуков нет: война.
Но этого судьбе казалось мало —
На весь народ возложена вина,
Которая с родной земли согнала.

Чужбина и невесток унесла...
И вот она среди степи киргизской
Корягою, обугленной дотла,
Сидит — и молит лишь о смерти близкой.

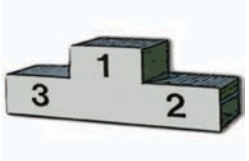
Получается (и не важно, сознательно это сделано или чисто интуитивно), что изгнание с родной земли страшней тягот войны, ранений и постоянной угрозы гибели. Мир в изгнании обесцвечивается, что, по-моему, глубоко символично.

Нельзя не сказать и том, что Керим Отаров оставил после себя не только честные, преданные правде стихи, но и честных, преданных отцовской памяти детей. А это, на мой взгляд, тоже талант — талант воспитателя. Так, Римма Керимовна Отарова тщательно собирает поэтическое наследие своего отца, в том числе и те вещи, которые не были изданы даже на балкарском языке, обеспечивает их перевод на русский язык, издает их и популяризирует. Потому что стихи Отарова содержат мощный энергетический заряд, который может и должен послужить укреплению человеческого духа, в наши дни подвергающегося особо сильному расшатыванию. Надеюсь, что и мои усилия в качестве переводчика окажутся небесполезны, что и сам причащусь в своей работе к той чистоте и глубине, которые свойственны произведениям безвременно ушедшего поэта.

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ



Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Евгений Степанов «Формула успеха» М.: Вест-Консалтинг, 2013

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак «Типа смотри короче» М.: Время, 2012

Вячеслав Моисеев «Репетиция апокалипсиса» М.: Вест-Консалтинг, 2013

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ЮБИЛЯРЫ ПОЭТОГРАДА

ИРИНА ГОЛУБЕВА
ШЕСТЬДЕСЯТ

Шестьдесят — это когда тебе глубоко за пятьдесят, и в этой глубине мелькают сорок, тридцать шесть, восемнадцать... Правда, пока еще не перечитываешь «От двух до пяти».

В принципе, шестьдесят — это не дата, это жизнь!

Шестьдесят — это такая особенная сладость, в которой точно знаешь пропорции белков, жиров и углеводов.

Шестьдесят — это когда твое пение вслух тут же вызывает сомнение, а подход к зеркалу — сравнительный анализ с картинами прошедшей олимпиады, но когда и где она проводилась, не помнишь. Из телевизора регулярно доносятся сроки будущей, но их забываешь сразу, ибо уже все неясно. В последовательности «дальше — выше — сильнее» не соображаешь, что за чем, но понимаешь, что это не про тебя. Вообще тема спорта открывается широко и даже масштабно — приятно болеть за наших!

Шестьдесят, это когда вечерние сериалы кажутся достаточно компактными. С географией в шестьдесят тоже не все гладко: причем речь не о расстоянии между городами, а о местонахождении предметов в квартире, при этом новогодние шары, прикрепленные к люстре, уже не снимаются.

Шестьдесят — это когда тебе уступают место. И это хорошо. Без всяких там сопутствующих «Ой, что вы, что вы! Да мне на следующей...» Просто — «Спасибо!» И села. Сидеть — хорошо!

Пенсия... Слово, выскочившее, как прыщ, и столь же малоприятное. О ней и говорить нечего. Про «ничто» говорить нечего. А те, которые на пенсии ездят по разным континентам, — ну и хрен с ними! Шестьдесят — это когда по поводу всяких катаклизмов произносишь «Ну и хрен с ними!» Более того, — ощущаешь сказанное как мудрость.

Шестьдесят, это когда при исполнении гимна не встаешь, а просто отмечаешь, какая по счету редакция.

В шестьдесят иногда задумываешься... Как пишется слово «аккомпанемент»... В шестьдесят рифма становится строже, например, «взор — позор» или «отдаться — смеяться».

При этом поэзию находишь во всем — в стирке, уборке, готовке и виде из окна. То есть вопроса «быт или не быт» не возникает.

В шестьдесят разница между эротикой и порнографией налицо. Шестьдесят — это самое сильное ожидание в жизни, причем, ожидание окончания.

Нет, ни конца света, о нем думаешь с умилением, а окончания зимы, холодов, работы, пения вслух. Юг, море, отпуск, друзья — это не ожидание, это образ, который постоянно внутри тебя.

А еще... Шестьдесят, это когда кому-то вдруг ставишь свечку за здравие. А ведь он же... Вдруг... Нечаянно ставишь. Как будто по ошибке... Шестьдесят — это когда уже все рядом, близко, и травинка, и звезда, и поезд, и уехавшие на время, и уехавшие навсегда. Все в твоем сердце. А оно, сердце, с каждым годом как будто все больше и больше, и пока еще может вместить в себя все, что накопилось к шестидесяти, что помнишь и не помнишь, что знаешь и не знаешь. Пока вмещает. Впрочем, оно справится. Оно еще много чего может.

Шестьдесят... Трубадуры играют рассвет. Донна Анна назначает свидание. Солярис — жив!

* * *

Мы идем друг за другом, как темы канона:
не теряем из виду и сближенья не ищем,
будто сами наметили путь неуклонный...
Мы как поезд, в котором лишь два крайних вагона.
Некий кинематограф. Имитация притчи.
Мы идем — две зари. Утро вечера не мудренее.
Не прогулка, а ход утомленного пахотой плуга.
Неизменен отрыв, но и неодолимо стремленье!
А возможно, все проще — две в осень бегущих аллеи.
И похоже, мы живы лишь в чистом пространстве друг друга.

* * *

Сейчас такое время,
что каждый день, как знак.
Сейчас приходит вера,
что все не просто так.
Моленья ли гоненья,
бессонницы игла...
Простым стихотвореньем
дорога пролегла.

* * *

Переживаю твой уход. Меняю лед.
Альбом листаю. Снег идет. Земля мала
для одиночества. Чай стынет. Дремлет кот.
Сон не идет. Еще вчерашние дела
не кончены. Пугает Новый год
своим эпитетом. На снимке жив восход,
и мы — два солнца — живы. Купола
виднеются беззвучны. Снег идет
и заметает все, сгоревшее дотла,
и белый лист слетает с белого стола,
он все запомнил, все узнал — ему хвала!
Переживаю твой уход. Пережила.

* * *

Зимой стоять лицом на юг,
выпрашивая лучик солнца
у сизого потока неба,
склонившегося к январю.
Вдыхать серебряный настой
звенящих на морозе веток
и восторгаться так нелепо
в мои-то годы... Боже мой!

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ПОЭТОГРАДА

Новый роман Евгения Степанова о самом главном — об отношениях мужчины и женщины

Кирилл Ковальджи:

Дорогой Евгений Викторович! Книжку прочитал с удовольствием. Секса мало, таланта много!

Диана Камская:

«Автор препарирует сам себя. И пишет о миазмах человеческой души. Грубой и похотливой физиологии в этом романе, на мой взгляд, больше, чем психологии. Поэтому неинтересно».

Владимир Коркунов:

«Сходу и не поймешь — самотерапия это или литературный прием, дневник перед нами или история нервного срыва — через локальные психологические победы и поражения».

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО
В ОСЯЗАНИИ ЗВУКА И СВЕТА

РОЖДЕНИЕ МУЗЫКИ ИЗ ДУХА ТРАГЕДИИ

Несколько перефразированное изречение Ницше как нельзя лучше объясняет сущность того, что я делаю в своем творчестве. Причем музыка эта не обязательно минорна: она не живописует трагизм, а стремится от него отпочковаться. Так бывает: каламбур или анекдот неожиданно обрастает глубоким смыслом.

Надо сказать, что дух трагедии свойствен жизни вообще и является ее неотъемлемой частью. Просто мы, прожигатели жизни, слишком любим веселиться и не обращаем на это внимания, пока это не коснется нас лично.

Я не могу передать суть войны, в которой участвовал, выпустив из поля внимания дух трагедии. Более того, именно присутствие этого духа делает мои переживания истинными, не бутафорскими.

Этот же дух сопровождал меня и в событиях из жизни страны, и в любовных взаимоотношениях, и в уходе близких людей. Он оказался вездесущим, этот темный, печальный и героический дух. Хороший вопрос: а надо ли поэтизировать трагедию? Не вредно ли это для духа нации? Не яд ли это для жизнеутверждающей силы? У меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Все зависит от подачи материала, от личности художника, от его умения уравновесить дух тяжести светом своей души.

Нам тяжело, даже невозможно молчать о том, что с нами происходит, какая бы горечь ни исходила из сердца. Скажу больше: события, отмеченные духом трагедии, — как правило, наиболее значительные события в нашей жизни. Но скорбь должна быть дозирована и смягчена. Для этого существуют праздники. Скорбь должна постепенно становиться памятью. Искусство же пытается снять с драматических событий дух тяжести, творчески их переосмыслив. И в этом сила искусства, потому что мажор и минор в нем могут быть одновременны.

Александр КАРПЕНКО

Рождение музыки из духа трагедии

Михаилу Гофайзену

музыка рождалась из духа трагедии
и была она вестью
и весть была вещью в себе
и эту вещь в себе
нельзя было передать другому
но музыка не умирала
у другого человека другая музыка
тоже рождалась из духа трагедии
по мере преодоления ступеней судьбы
и судьба была роком
и рок был рэпом
и рэп был криком
и крик был молчанием
и молчание было золотом
и ангелы были его старателями
и крупицы молчания
тщательно промывались ангелами
поэтому вода под ситом
снова засорялась речью
и речь опять не знала
стать ли ей музыкой
или же угаснуть обетом
раствориться в абсолютной немоте

* * *

Скользящие руки художника
Рисуют натюрморт —
И обволакивают его странной жизнью,
Стремительной, как откровение,
Влажной, как страдание,
Терпкой, как коктейль времен...

Веер времени замирает
В бесстрастных руках Немезиды...

Все самое важное в мире
Начинается именно тогда,
Когда как будто бы
Ничего не происходит...

Люди подобны вратам мира,
Которые Бог-ребенок запер на ключ —
И забыл его у себя в кармане...

сюрреалистический автопортрет

как странно в имени моем
живым пульсируют огнем
небесной радуги оттенки
карпенко

и наговор пятнистых губ
и времени мясистый сруб
карузо просится в пен-клуб
карпенко

я не безумец не икар
а просто тит лукреций кар
в ночи танцующий фламенко
бемоль меняю на бекар
карпенко

о слоги данности моей
и наугад из-под бровей
картина пенных кораблей
карпенко

* * *

Если вдруг обезумею я,
Не грустите, друзья и подруги:
Все вернется на крУги своя,
На привычные крУги.
Время камешком чертит кругИ,
Стынет речка в бездонном испуге...
Как мы все перед тайной наги!
Все вернется на крУги.

Как непросто увидеть Христа
В сизом танце расхристанной вьюги!
Старый мир не спасет красота.
Все вернется на крУги.
И безумие огненных глаз
Несказанностью строк обернется...
Все вернется — но только без нас.
Все — вернется...

Потому-то я так тороплюсь
Отслужить эту белую мессу —
До того как с природой сольюсь,
Став зеленым березовым лесом;
Оттого так порою слова
Застревают меж небом и нёбом,
И меня не пускает листва,
И деревья встают небоскребом...

Крестный ход

Мудрость часто мы берем у древних,
Жизнь передаем из рода в род.
Люди так похожи на деревья,
Листопад — протяжный крестный ход.
В лес зайду — все вышито крестами
В стылом гаме гаснущего дня;
Рыжий клен, как Божьими перстами,
Осеняет листьями меня...

И, прохладу дум сглотнув гортанью,
Бормоча какой-то древний стих,
Я учусь у листьев умиранью.
Воскрешенью я учусь у них.

Предсказание

Мне гадала весталка-девица,
Огорошив до дрожи меня,
Что в любви мое счастье продлится
Лишь три года, три ночи, три дня.

Не сберег я поленья от тленья...
Почему, не пойму до сих пор.
Видно, в счастье искал я забвенья —
И забыл про судьбы приговор.

И однажды — с внезапностью муки —
Мне поведали звезды полей,
Что уже не любовь, а разлука
Поджидает меня у дверей.

И, безумьем охваченный звездным,
Бумерангом всеведенья я
Вспомнил все — только было уж поздно
Возвращаться на крУги своя.

На холодном, бестрепетном ложе
Боль-тоска одолела меня:
Я теперь по-другому бы прожил
Те три года, три ночи, три дня...

Так всегда в этой странной отчизне:
Рождены, чтоб стремиться и сметь,
Под гипнозом смеющейся жизни
Про свою забываем мы смерть.

* * *

Как страшно время половодья!
Забродят воды, как вино,
И плодородные угодья,
Как Китеж-град, уйдут на дно.

С какой безбрежною тоскою
Стать морем речка норовит! —
И, до краев полна собою,
Сама не знает, что творит...

Так, отпустив души поводья,
Бездонно, властно, как испуг,
Страстей безумных половодье
Испепеляет все вокруг.

Как будто речка впала в детство,
И жалко ей расстаться с ним...
А мне досталась по соседству
Судьба стать берегом твоим.

* * *

Ольге Ильницкой

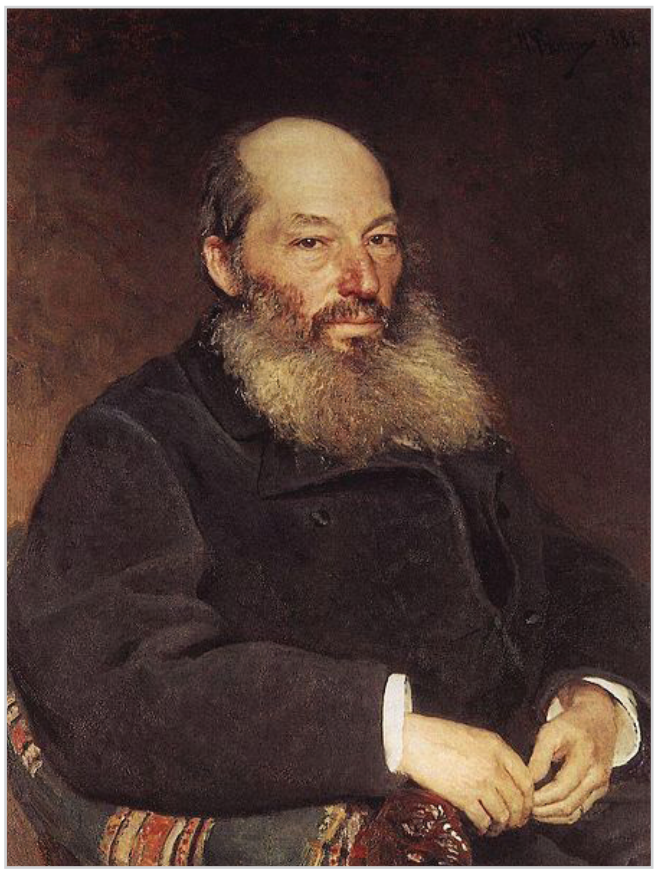
Одержима взыскующим словом,
Высшей правдою жизни права,
Ты лучишься в сиянии новом,
Где, сгорая, не меркнут слова.

Ты врываешься в жизнь, как комета,
В перламутровых бликах огня,
В осязании звука и света,
В отпущении ночи и дня,

Человечность приняв за основу,
В аритмии незваных тревог...
Что за кони ведут тебя к слову,
Если слово не меньше, чем Бог?

Интуиция — больше, чем знанье,
И наитьем нахлынет волна:
Жизнь земная — «дебют на прощанье»,
За которым нас ждет тишина...

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО
КОСМОГОНИИ АФАНАСИЯ ФЕТА



Афанасий Фет внес огромный вклад в развитие русской поэзии. И как тонкий лирик, и как космический философ, предтеча мистических откровений Даниила Андреева.

Die Gleichmasigkeit des Laufes der Zeit in allen Kopfen beweist mehr, als irgend etwas, das wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja das es Ein Wesen ist, welches ihn traumt.
Schopenhauer*

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю невольно,
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

———————————————————————————

* Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом.
Шопенгауэр (нем.)

Афанасий Фет увлекался философией Артура Шопенгауэра, ему принадлежит первый русский перевод фундаментального труда немецкого философа «Мир как воля и представление». Возможно, Фет был более «продвинутым» философом, нежели его современники шеллингианец Тютчев и поклонник Ральфа Эмерсона Лев Толстой. Чтобы лучше понять произведение, иногда полезно самому перевести его с иностранного языка на родной. Впрочем, Фет, который был наполовину немцем, как это ни парадоксально звучит, и немецкий мог считать своим родным языком. Удивительное совпадение, но самые задушевные лирические произведения как Фёдора Тютчева, так и Афанасия Фета вызваны к жизни одним и тем же несчастьем — гибелью любимой женщины. Великие русские поэты настолько глубоко переживали эту личную драму, что порой содержание стихов выходило далеко за пределы классической любовной лирики, приближаясь к визионерству. «Иллюминат» — этим словом можно охарактеризовать Афанасия Фета — мистического философа.

«Странные прозрения» этого тайного эзотерика и сегодня вызывают повышенный интерес читателей. Люди, знавшие Фета как автора «шлягерного» стихотворения «Я пришел к тебе с приветом рассказать, что солнце встало», неожиданно открывают в нем удивительного философа-мистика, который видит «живой алтарь мирозданья на огненных розах». Открывают в нем величественного трагического поэта. Собственно, классики этим и успешны — своей многогранностью, которая обеспечивает им жизнь в веках.

СРЕДИ ЗВЕЗД

Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных чисел,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность — мы, ты — миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».

Конечно, то, что Фет якобы является ярким представителем «чистого» искусства — вздорная выдумка теоретиков «социального» происхождения искусства. То же самое говорили в Англии про Оскара Уайльда. На самом деле, больших поэтов с сильной социальной подоплекой творчества раз, два — и обчелся. Например, в русской поэзии досоветского периода это — только Некрасов и, с некоторыми оговорками, Блок. У подавляющего большинства других поэтов интерес к социальной сфере жизни напрочь отсутствует, и слава Богу. Наоборот, повышенный интерес к «грязной» жизни можно рассматривать как аномалию и досадную помеху лирическому творчеству. Поэт не обязан писать о нуждах бомжей. Достаточно того, что он не отказывается размышлять о жизни и смерти.

Я в жизни обмирал, и чувство это знаю,
Где мукам всем конец, и сладок томный хмель,
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется,
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу — ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

1884

Это стихотворение знаменито тем, что поэт как-то вызывающе досадно, «напоказ», по-графомански ошибся в первой строчке со значением и звучанием слова «обмирал». «Обмер» по-русски означает что-то вроде «застыл в изумлении». Фет же хотел, наверное, сказать «умирал», но потом подумал, что это будет, пожалуй, чересчур для обозначения глубины своих страданий — и обратился к сомнительному «обмирал». Вечно нетрезвый, но чуткий к слову и гениальный Венедикт Ерофеев пошутил по этому поводу: «Я в жизни адмирал, и чувство это знаю». Действительно, фетовское «обмирал» не выдерживает никакой критики даже фонетически! Но великие поэты тоже люди! И русский язык, вопреки Тургеневу, далеко не всегда «велик и могуч». Прозаику проще: он может сказать что-нибудь вроде «я пережил маленькую смерть». А каково поэту! Как выразить это состояние в одном слове, да еще так, чтобы оно легло в размер? То-то и оно... Но, невзирая на эту досадную помарку (случись она не в начале, а где-нибудь в середине стихотворения, никто, пожалуй, и не заметил бы), стихотворение Фета «Смерти», безусловно, входит в золотой фонд отечественной поэзии. Вот об этом и поговорим.

В 1857 году тогда еще молодой Фет уже обращался к смерти:

Кто дышит с равным напряженьем, —
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

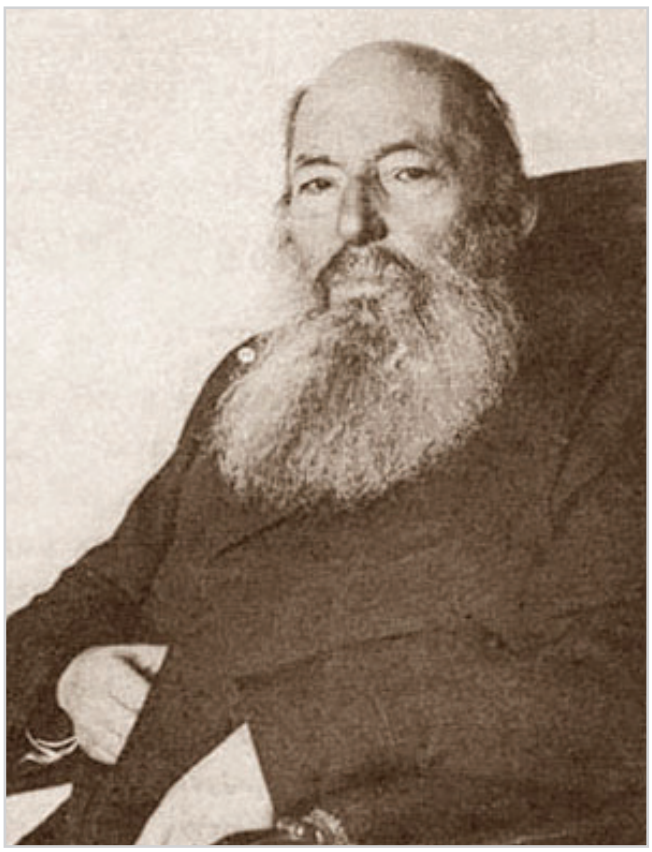
И как же меняется отношение к уходу из жизни у позднего Фета, Фета «Вечерних огней»! Это уже не христианское примирение с неизбежным! Это, скорее, что-то вроде знаменитого чапаевского «врешь, не возьмешь!» Казалось бы, у шестидесятичетырехлетнего человека, домоседа, не воина, все должно быть с точностью до наоборот. Это Сирано де Бержерак в финале пьесы Ростана размахивает шпагой и вызывает «безносую» на дуэль. Но Фет! Мне кажется, в такой метаморфозе, произошедшей с писателем, «виновата» все та же немецкая философия, следы которой явственно ощущаются в «Вечерних огнях». Конечно, оно немного ребячливо, это «противостояние» поэта со смертью, однако сколько в нем скрытого величия, бескомпромиссности и сознания своей правоты! По странному совпадению, именно в эти годы Лев Толстой работал над «Смертью Ивана Ильича». Но как различны по тону повествования и настроению эти два произведения друживших между собой писателей!

Есть у меня «маленькая слабость». Люблю дерзновенные стихи — отчасти потому, что и сам бываю бескомпромиссен и дерзновенен. Это фетовское «мы — силы равные, и торжествую я» было возможно разве что в добулгаковскую эпоху, возвестившую человечеству о «внезапной смертности» людей. Но по сути своего высказывания Фет-релятивист прав: покуда человек жив, естественно, живое доминирует в нем над мертвым. И осознание этого наполняет сердце поэта горделивым, неслыханным торжеством! Часто космос у Фета «вырастает» из обыкновенного деревенского пейзажа. Поэт просто запрокидывает голову вверх, и над застывшими земными реалиями видит завораживающий и непостижимый мир бесчисленных звезд. Это дыхание «спящей» Вселенной.

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.



АНАТОЛИЙ ПОБАЧЕНКО
ПУШКИНСКИЕ ЭПИГРАФЫ

Пушкинские эпиграфы

1

По звонким скважинам пустого тростника...
«Муза»

Смастери свистульку мне на память,
вырежи из ветки молодой,
тальниковой, пахнущей грибами,
дягилем, осокой и водой.

Чтобы звуки плавали степные
по безбрежной зелени земли,
строчки б зарождались зазывные,
укреплялись духом и росли.

Пусть особо выльются наружу
из моей обветренной души
кольца дыма сладкого из ружей,
отгремевших в струях камышин.

И чтоб ветер по-над Обью плакал,
зверь лечился доброй тишиной,
я хочу, чтоб степь звенела злаком,
шмель гудел натянутой струной...

Смастери свистульку мне на память,
из талины вырежи весной,
выйду я из колка, как из бани,
с дудкой изумрудною, резной.

2

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.
«Весна, весна, пора любви...»

Пора в бега! Рога оленьи
поднять готовы серый день!
Снегами вспороты колени,
мечта — увидеть свою тень.

Пурга, открытая страница,
чистовиком летит в глаза...
В ней белой бабочкою мнится
резвушка рифма-егоза.

Под свист закрученного ветра
ездок уверенно ведет
сквозь падеру и километры
хорея сдержанный полет.

Как вдохновенное начало,
Звезда Полярная — горит,
хотя ни разу не встречала
на льду танцующих харит.

Лишь только севера кочевник
торит упорно путь в снегах
да Гончих Псов скрипит ошейник
в тех удивительных бегах.

3

Приди, как дальняя звезда...
«Заклинание»

Свети в пути,
морозная звезда,
оставь,
не упрекай меня
в бесснежье.
Ты всемогуща,
знаешь что отдать
на этом, белом,
или том прибрежье.

Ты не любима.
Новое тая,
вдруг высветишься
необычной гранью:
вот поворот ножа,
а вот тала —
поникла к долу,
выстелилась ланью.

Тепла нет от тебя.
Его не жду.
Но благодарен
свету глаз ионных,
не променяю я свою звезду
на тысячу других
в эфире звонном.

Не потому,
что ярче есть, теплей,
а то, что легкою
мечтой-снежинкой
летишь ко мне,
в объятие полей
и осыпаешь
серебром вершинки.

4

К подножию ль стены далекого Китая...
«Поедем, я готов...»

Растворись навсегда —
среди песен осенних,
подошедших с дождями
веселых ветров,
среди шепота листьев
и гула селений,
среди доброго баса
глухих вечеров.

То вон дятел ударит
многоточьем в березу,
чей-то хрустнет
под тяжестью дня позвонок,
то в околке,
почуяв лисицы угрозу,
испугается до смерти зайчик-пенек.

Может быть, в этом плаче,
надрывном, последнем,
нужен голос и мой,
еле слышный в бору,
чтобы всласть насвистеться
дудой однолетней
и прибиться листочком
к чужому двору?

Чтобы также влететь
в этот хор незаметно,
как жулану в декабрь! —
захотелось и все,
чтобы жить
бесконечно, беззлобно, безбедно,
как живет на руках моих
строчка Басё...

5

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна...
«Незавершенное...»

Полюблю
осеннюю остуду,
хруст стекла под пяткою своей.
Разобью
на озере посуду —
тысячи тарелок серых дней.

Это ли не счастье:
пить истому —
уходящей осени вино,
поклониться
берегу родному
и подумать о судьбе иной.

Может статься —
не видать Парижа,
Рио-де-Жанейро — не по мне,
вот Чаны да гривы как-то ближе,
еле видный колочек — во тьме,

теплая дорога в черной ночи,
мерный бег усталых лошадей
да в заре далекой —

рыси очи,
звездочка веселая
в бадье.

2006-2007

6

Чего тебе надобно, старче?
«Сказка о рыбаке и рыбке»

Брел старик в лохмотьях серых,
чуть живехонький, косой,
с удивительною верой
в свет отеческий, большой.

Не устал в пути качаться
на промокших камышах
и лениво возвращаться
к полустиранным вещам.

Вот дрова, еще сырые,
надо их потормошить,
вымыть ноженьки Марии,
а Ивану — пим подшить.

У деревни — сбрызнуть крыши,
трубы вычистить, чувал,
пошуметь, чтоб внук услышал
и спокойно ночевал...

Брел старик
в лохмотьях серых,
чуть живехонький,
косой,
с удивительною верой
в свет отеческий,
большой...

1994

АНТОЛОГИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

ТРАГИЧЕСКИЙ ТЕНОР СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

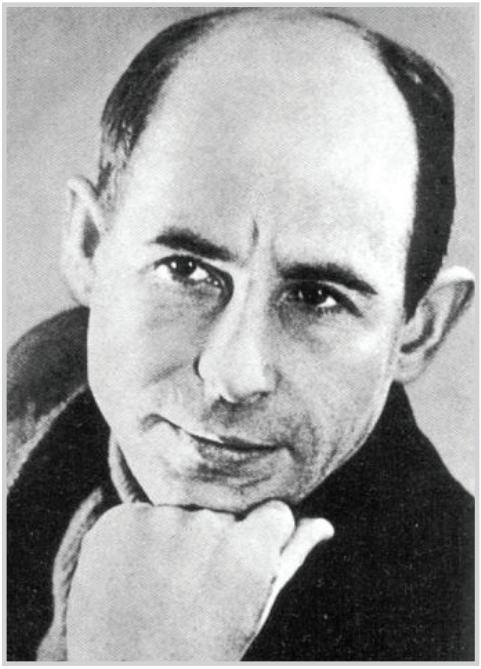
Николай Рубцов (1936 — 1971) — великий русский поэт. Родился в селе Емецк Архангельской области. Прошел через всевозможные жизненные мытарства: сиротство, детский дом, служба во флоте, бездомье... Был трагически убит во время бытовой ссоры своей гражданской женой.

Стихи Николая Рубцова навсегда вошли в сокровищницу русской литературы. Многие из них стали песнями.

Стихотворения из этой подборки ранее были опубликованы на сайте http://rubtsov.id.ru/

Евгений СТЕПАНОВ

НИКОЛАЙ РУБЦОВ
СТИХОТВОРЕНИЯ



ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

[1964]

* * *

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
— Какое место вам? — Любое.
Любое место, край любой.

Еще волнует все, что было.
В душе былое не прошло.
Но слишком дождь шумел уныло,
Как будто все произошло.

И без мечты, без потрясений
Среди одних и тех же стен
Я жил в предчувствии осеннем
Уже не лучших перемен.

— Прости, — сказал родному краю,—
За мой отъезд, за паровоз.
Я несерьезно. Я играю.
Поговорим еще всерьез.

Мы разлучаемся с тобою,
Чтоб снова встретиться с тобой.
Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!

[1966]

ИЗ ВОСЬМИСТИШИЙ

1

В комнате темно,
В комнате беда,—
Кончилось вино,
Кончилась еда,
Кончилась вода
Вдруг на этаже,
Отчего ж тогда
Весело душе?

2

В комнате давно
Кончилась беда,
Есть у нас вино,
Есть у нас еда,
И давно вода
Есть на этаже,
Отчего ж тогда
Пусто на душе?

3

Звездный небосвод
Полон светлых дум,
У моих ворот
Затихает шум,
И глядят глаза
В самый нежный том,
А душе — гроза,
Молнии и гром!

4

Лунною порой,
Омрачая мир,
Шел понурый строй,
Рядом — конвоир.
А душе в ночи
Снился чудный сон:
Вербы и грачи,
Колокольный звон...

5

Девушке весной
Я дарил кольцо,
С лаской и тоской
Ей глядел в лицо,
Холодна была
У нее ладонь,
Но сжигал дотла
Душу мне — огонь!

6

Постучали в дверь,
Открывать не стал,
Я с людьми не зверь,
Просто я устал,
Может быть, меня
Ждет за дверью друг,
Может быть, родня...
А в душе — испуг.

7

В комнате покой,
Всем гостям почет,
Полною рекой
Жизнь моя течет,
Выйду не спеша,
На село взгляну...
Окунись, душа,
В чистую волну!

КОЗА

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ. —
Как не стыдно тебе, егоза?
И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород.

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД».

КАЧЕСТВЕННО И НЕДОРОГО!

МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ

ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75

ЕЛЕНА ШЕЛКОВА
СТИХОТВОРЕНИЯ

ДВА ЧАЙНИКА

Нас в доме двое — я и чайник,
И мы повесили носы.
Дружище чайник, ты — печальник
Среди веселой колбасы.

Среди улыбчивых пирожных
Тебе, молчальник, места нет.
Мы даже профилем похожи,
Но ты чуть-чуть темней — брюнет.

У нас ужасная привычка
По сто раз на день закипать.
Из-за какой-то дуры-спички
Со всей вселенной воевать!

Нас жгут — спокойно, без печали,
Костерчик, правда, измельчал.
Вновь ставят на конфорку чайник,
Чтоб он от ужаса крича-а-ал!..

Названье пыточной — квартира.
Портьеры, тихость до штриха.

Два чайника в огромном мире —
Какая мелочь для стиха.

КАК НАДО ЖИТЬ

Жить надо — как не надо,
И, может быть, тогда
Когда-нибудь, когда-то
Блеснет твоя звезда.

Жить надо — как не надо,
И вот, всем злам назло,
Расскажут листопады,
Что чудаку везло.

До смерти, до упаду,
Под невеселый смех —
Жить надо — как не надо,
Любить лишь тех — «не тех».

В прическе ранний иней
И, сквозь тоску и страх,
Цветет шизофрения
В талантливых стихах.

Ты нежен, зол и светел
И ты развеешь мрак.
Да будет так на свете,
Что все вокруг не так!

Да будет май и вишни,
И вой, рожденный псом...
Посмей быть третьим лишним
И пятым колесом.

СЛОНИКИ

Если б умные дяди генетики
Нам придумали маленьких слоников!
Со своею особой отметиной,
Развеселых, ушастых до коликов!

Если б жили ушастые слоники,
Как дворняги, шатались по скверикам,
Их гоняли бы пьяные дворники
Обезумевшим ветреным веником.

Если б чай они пили на блюдечке
И топтались по белому кафелю,
А в актеров влюбленные дурочки
Их кормили бы сладкими вафлями!

Только нет на земле этих слоников,
И наверно, наверно, поэтому
Очень много у нас пивных столиков
И за ними несчастных и ветреных...

ОДИНОЧЕСТВО

Я говорю: «Нам надо апельсинов,
Чтоб город ярким стал, как мой жакет.
Купи мне апельсинов синих-синих...»
Ты говоришь: «Таких на свете нет».

Я говорю: «Давай махнем в Одессу,
Нарвем грибов к обеду на вчера»,
Ты говоришь, что только поэтессы
Так глупо убивают вечера.

Я говорю: «Когда была б я кошкой,
Я бы тебе котенка родила...»
Ты злишься: «Ведь у кошки будут блошки!
"Котенка!", так давай уже козла!»

Я фантазирую, я жгу стихи и люстры,
А может, нас придумал Пикассо,
Когда холсту, как псине нашей, грустно,
И жизнь короче, чем стишок Басё?

Нам разойтись нет ни одной причины.
У нас есть для молчанья сотни тем.
Что хуже, чем без юмора мужчина?
Лишь женщина, что шутит надо всем.

АРБУЗНЫЕ ДОЖДИ

Арбузные дожди как бомбы.
Сегодня город сумасшедший.
И там, где только что твой дом был,
Растут арбузные черешни.

Срывались бешено арбузы
И разбивались, словно звезды,
И разбивались, словно люстры,
Ломая головы и кости.

И кровь арбузная мешалась
С листвою, первым снегом талым...
И я в себе не помещалась,
Самой себя мне было мало!

И кровь арбузная мешалась
С листвою, осенью, дыханьем...
И день — веселый, звонкий, шалый
Спешил, чтоб стать воспоминаньем.

Зияли раны у арбузов...
Куда от них теперь я денусь?
А ты закрыл глаза, ты струсил
И убежал в обыкновенность.

...Не падали с небес арбузы!
Но слишком много на планете
Пронзительной арбузной грусти,
Понятной — дуракам и детям...

СУМАСШЕДШЕЕ СЧАСТЬЕ

Больной номер девять — сбежавшее Счастье.
В психушке — тревога. В психушке — бедлам.
В прозрачном, воздушном, смирительном платье
Танцует по селам и по городам.

Танцует над будущим и над прошедшим,
И смотрят нормальные в смутной тоске...

А Счастье не может не быть сумасшедшим!
А Счастье, как ослик, идет по доске!

Медбратья несутся, хватая за пятки,
И Счастью, к несчастью, не смыться от них.
Приходится быть и случайным, и кратким,
Как чей-то, как чей-то талантливый стих.

И снова утрата, и снова расплата,
И снова дожди, и уколы, и грусть.
Но Счастье опять убежит из палаты!

А значит, я к Вам непременно вернусь...

СТИХ ПОТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

Случайные встречи ложились на полку.
Прощальные взгляды бомбили планету.
Непросто, непросто найти незнакомку,
Когда от знакомых спасения нету!

Когда вся планета — сплошное болото,
Когда вся планета — шестая палата,
А рядом все время какой-нибудь кто-то,
Кого я не знаю, кого мне не надо.

И осень все ближе — падение яблок.
На сердце все меньше цветущих Испаний.
Но хочется верить, что в чем-то и я — Блок,
И я незнакомку найду в ресторане.

А мир, он прекрасен. Но как надоело
Кого-то искать, от кого-то теряться.
А ливень все рвался на мокрое дело,
Бежал, как жених от невесты из ЗАГСа!

Бежали вокзалы, причалы и пристань,
Как жить пацанами, забыли мужчины...
И осень, и осень — импрессионистка
Все чаще и чаще рисует морщины.

Ночами звонят мне и Верка, и Томка,
А я домовитый, но страшно бездомный
Опять убегаю искать незнакомку,
Чтоб сделать ее безнадежно знакомой...

ТАК ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО, ТАК ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

Нет, я не стану алкашом,
Но мне понятно, Лёха,
Что быть веселым — хорошо,
А быть поэтом — плохо.

Есть у стихов закон смешной,
Несносная эпоха!
Поэтам плохо — хорошо,
А хорошо им — плохо.

Еще не все — кошмар сплошной,
Ходи, ругайся, охай:
Поэт безумный — хорошо,
Поэт нормальный — плохо.

Я вас любил, я был взбешен,
Девчонка, стерва, кроха!
Вам было очень хорошо
Когда мне было плохо.

И до чего наш мир дошел!
Я, видно, неумеха:
Плохим живется хорошо,
А вот хорошим — плохо...

О, дайте кто-нибудь ружье!
Одно я знаю, Лёха —
Что быть хорошим — хорошо...
Так почему мне плохо?!

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

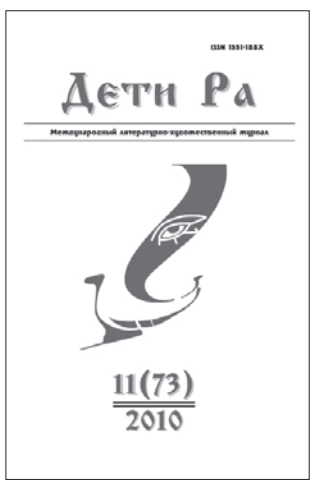
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http://poetograd1.livejournal.com,
http://www.facebook.com/poehtograd.vestkonsalting

Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Шеф-редактор
Наталия Лихтенфельд

Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин

Литературный редактор
Ольга Денисова

Компьютерная верстка
Василий Манулов

Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова

Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд